

О. А. Таргонский

Тверской государственный университет, магистрант

Научный руководитель: д. ф. н. В. А. Миловидов

МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ПЕРЕВОДА

Термин «интертекстуальность» описывает взаимодействие между литературными текстами, в рамках которого один текст прямо или косвенно ссылается на другой в форме цитаты, аллюзии, ссылки на материал и т.д. В течение последних десятилетий данное понятие исследовалось учёными различных направлений, однако исследователи фокусировались в первую очередь на интертекстуальности в рамках одного языка [Борисенко 2004]. В данной работе мы анализируем функционирование интертекстуальности в контексте взаимодействия разных языков, а также передачу интертекстуальности в переводе.

В качестве материала для исследования нами взят роман Энтони Бёрджесса «Заводной апельсин» и два его русскоязычных перевода за авторством Владимира Бошняка и Евгения Синельщикова.

Приведём отрывок из данного произведения:

There was me, that is Alex, and my three droogs, that is Pete, Georgie, and Dim, Dim being really dim, and we sat in the Korova Milkbar making up our rassoodocks what to do with the evening, a flip dark chill winter bastard though dry. The Korova Milkbar was a milk-plus mesto, and you may, O my brothers, have forgotten what these mestos were like, things changing so skorry these days and everybody very quick to forget, newspapers not being read much neither [Antony Burgess 2019].

Первое, что бросается в глаза – это авторские неологизмы, или окказионализмы. Они активно используются автором в повествовании: персонажи используют их в качестве своеобразного сленга – в мире романа он называется «надсат», – и главный герой, от лица которого ведётся повествование, также применяет их. Для создания данных окказионализмов Бёрджесс использовал основы русских слов и английские словообразовательные морфемы, и получившиеся комбинации записывал латиницей.

Читатель, хорошо знакомый с русским языком, в большинстве случаев может без особых трудностей интерпретировать данные окказионализмы, но для остальной аудитории романа они представляют собой существенную проблему. Интерпретация в данном случае может строиться только на контексте использования этих слов, то есть смысловых, грамматических и синтаксических связях этих слов с другими словами в тексте.

Трудность восприятия окказионализмов была намеренной: автор использовал их сознательно, и одним из требований к издательству было не снабжать текст какими-либо пояснениями и глоссариями.

Использование надсата является своего рода социальным и культурным маркером персонажей: пользователи надсата – это молодёжь, зачастую связанная с преступной деятельностью. Введя надсат, автор отграничил персонажей от остального мира, вывел их в отдельную закрытую социальную группу со своими ценностями и мировоззрением, противопоставил их «нормальной», законопослушной части «взрослого» общества. Подобная лексика позволяет однозначно узнать в использующем её представителя так называемой «шпаны», а сам надсат у персонажей в романе и у читателя ассоциируется в первую очередь с малолетними преступниками.

В то же время, в тексте эти слова – не прямые иноязычные вкрапления, но косвенные: окказионализмы написаны на латинице, сочетаются с английским морфемами и во всём остальном ведут себя как узуальные английские слова, что в свою очередь указывает на связь с английским языком и английской культурой; герои – представители контркультуры, но тем не менее они живут в культуре английского языка и происходят из неё.

Для подобных русских заимствований в тексте характерна одна важная особенность: они отсылают к русской культуре и России. Роман был написан в 60-х годах XX века, в разгар Холодной войны, и для англоязычного (и в частности английского) читателя данная ассоциация имела весьма существенное значение. Культуры русскоязычного и англоязычного миров находились в активном противостоянии, и сочетание русского и английского, представленное в «Заводном апельсине», проводило параллель с реальным миром и давало простор для различных трактовок авторского замысла. В современных условиях культурный аспект восприятия текста всё ещё представляет определённый интерес. В английском языке мало русских заимствований, и описывают они очень ограниченный спектр понятий, чаще всего связанных с исконно русскими реалиями, и в повседневной речи подобные заимствования никогда не использовались и не используются. Русские слова в английской речи – явление новое, и потому текст по-прежнему остро ассоциируется с русским культурным пространством.

Таким образом, использование русских слов, адаптированных под нормы английского языка, создаёт специфический образ: малолетние преступники, контркультурные элементы, противопоставлены «материнской» культуре и в то же время принадлежат ей. По ведомству феномена интертекстуальности, которая связывает и сталкивает социолекты (формы речевого поведения), относится следующее: говорящая на надсаде как смеси английского и русского английская

«шпана» вводит в мир английского языка и английской культуры нормы и принципы поведения, принятые среди русской «шпаны» и – шире – России 60-х годов, которая, как любая шпана, представляла собой угрозу цивилизованному миру.

Воссоздание такой комплексной интертекстуальной конструкции средствами русского языка – учитывая, что сама конструкция строится на использовании русских слов – задача непростая.

Рассмотрим тот же отрывок в переводе В. Бошняка:

Компания такая: я, то есть Алекс, и три моих druga, то есть Пит, Джорджик и Тем, причем Тем был и в самом деле парень темный, в смысле gliuryi, а сидели мы в молочном баре «Korova», шевели mozgoi насчет того, куда бы убить вечер - подлый такой, холодный и сумрачный зимний вечер, хотя и сухой. Молочный бар «Korova» — это было zavedenije, где давали «молоко-плюс», хотя вы-то, бллин, небось уже и запомнили, что это были за zavedenija: конечно, нынче ведь все так скоро меняется, забывается прямо на глазах, всем plevatt, даже газет нынче толком никто не читает [Бёрджесс (а) URL].

В переводе оригинальная окказиональность оказалась утрачена, и для того, чтобы как-то компенсировать это, переводчик добавил в текст русские слова, написанные латиницей. Примечательно, что слова продолжают вести себя по правилам русского языка – изменения по числам и падежам отражаются теми же русскими морфемами, хотя и записанными латиницей.

Окказионализмы Бошняка существенно отличаются от окказионализмов Бёрджесса по своему эффекту. Так как сами слова остались русскими, для полноценной интерпретации достаточно всего лишь приблизительно знать, каким фонемам соответствуют латинские буквы. Связь с контекстом и анализ грамматических и морфологических черт не требуется – окказиональная форма слова полностью соответствует узуальной.

Несоответствие графики узуальных слов и окказионализмов не позволяет воспринимать последние как элементы общей языковой культуры. Они выбиваются из текста и смотрятся чужеродно, а потому противопоставление начинает функционировать иначе: это не контркультура (элемент культуры), это просто другая культура. Противопоставление это, впрочем, не работает, так как сами слова остались русскими.

Социальное и культурное противопоставление на уровне языка сводится на нет: написание слов латиницей как характерная особенность присуща не героям и не социальным слоям, а исключительно тексту. Для читателя такие слова не несут никаких дополнительных смыслов и не работают в тексте так, как задумывалось Бёрджессом.

Интертекстуальность, таким образом, сохраняется – но представлена она не содержательно, а формально.

Е. Синельщиков в своём переводе пошёл в прямо противоположную сторону:

Это — я, Алекс, а вон те три ублюдка — мои фрэнды: Пит, Джорджи (он же Джоша) и Кир (Кирилла-дебила). Мы сидим в молочном баре «Коровяка», дринкинг, и токинг, и тинкинг, что бы такое отмочить, чтобы этот прекрасный морозный вечер не пропал даром. «Коровяка» — место обычной нашей тусовки — плейс как плейс, не хуже и не лучше любого другого. Как и везде, здесь серв обалденное синтетическое молоко, насыщенное незаметным белым порошком [Бёрджесс (б) URL].

Вариант Синельщикова оказался гораздо ближе к оригиналу. Окказионализмы, созданные переводчиком – это узуальные английские слова, записанные кириллицей. Единство графики позволяет сохранить визуальную связь между окказионализмами и узуальными словами в тексте, а потому, несмотря на свою чужеродность, они в большей мере воспринимаются как элементы русского языка; в то же время они остаются англоязычными заимствованиями, зачастую непонятными русскоязычному читателю, как и оригинальные окказионализмы – читателю англоязычному.

Однако по-другому работает культурный аспект. Как уже было сказано ранее, русские слова, используемые в оригинале, создают довольно специфическую ассоциацию с русской культурой и Россией, при том условии, что читателям удаётся уловить связь незнакомых слов с русским языком.

Данная ассоциация совершенно иначе работает в переводе Синельщикова. На протяжении последних нескольких десятилетий в русском языке существует сильная тенденция к заимствованию английских слов, и особенно ярко она начала проявлять себя в XXI веке в повседневной разговорной речи, в частности у молодёжи. С одной стороны, подобные англоязычные вкрапления не ощущаются так остро, потому что стали обыденным явлением для носителей русского языка; с другой же, активное использование подобных варваризмов в русской культуре присутствует давно и имеет свои ассоциации, например, с «новыми русскими» и «золотой молодёжью», с ночными клубами и сетью Интернет. Подобные ассоциации существенно отличаются от заложенных изначально, и не только по своей эмоциональной окраске, но даже по статусу в языке и культуре.

Вместе с тем, интертекстуальность в переводе Синельщикова сохраняет свою содержательность, хотя и в инверсированном режиме.

Таким образом, теория интертекста позволяет выявить и интерпретировать уникальные случаи в истории литературы и истории

перевода, которые иными средствами, на основе иных теорий проанализированы быть не могут.

ЛИТЕРАТУРА

Бёрджесс Э. (а) Заводной апельсин: пер. В. Бошняка. URL: <http://www.kulichki.com/moshkow/INPROZ/BERDZHES/apelsin.txt> (дата обращения: 15.03.2022).

Бёрджесс Э. (б) Заводной апельсин: пер. Е. Синельщикова. URL: http://www.lib.ru/INPROZ/BERDZHES/apelsin_j.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 10.03.2022).

Борисенко А.В. Семиотика интертекстуальности. Тверь: Тверской государственный университет, 2004. 114 с.

Burgess A. A Clockwork Orange. Санкт-Петербург: КАРО, 2019. 288 с.